

ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПРОЕКТ СТРОИТЕЛЬСТВА НИЖНЕОБСКОЙ ГЭС

Рассматривается один из готовившихся в 1950–60-е гг. вариантов промышленного развития Тюменской области, когда на повестку дня еще не была поставлена задача промышленной добычи нефти и газа. Показано столкновение различных мнений относительно нефтегазовых и гидроэнергетических перспектив Тюменской области.

Хозяйственное освоение Сибири в XX в. было направлено на повышение уровня индустриального развития региона, завершение перехода от аграрно-индустриального характера экономики к индустриальному и реализовывалось в русле государственной экономической политики, получившей название «совершенствование размещения производительных сил страны». Процессы модернизации экономики сибирских регионов осуществлялись в силу масштабности территории локально с ориентацией в основном на вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов. Создаваемые на базе извлекаемых ресурсов производственные мощности были направлены на преимущественное развитие топливно-энергетических отраслей.

Первоначально интенсивное промышленное развитие охватило Кузбасс, который стал лидером в экономике Сибири и одним из крупнейших поставщиков угля в стране. Углю в предвоенный период принадлежала ведущая роль в топливно-энергетическом балансе. После войны вектор индустриального развития Сибири стал смещаться в восточном направлении, в Ангаро-Енисейский регион, где наиболее интенсивное развитие в процессе строительства гидроэлектростанций получила электроэнергетика. Наряду с развитием топливно-энергетических отраслей происходило становление химической индустрии, цветной металлургии, электрохимии, электрометаллургии, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей отраслей. Глубину происходивших в Сибири преобразований отражали рост численности населения, увеличение числа городов и поселков. Однако для территории Сибири были характерны низкие темпы транспортного освоения: в меньших размерах, чем во многих других районах страны строились железные и автомобильные дороги. Темпы развития промышленности оставались неравномерными. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке они были выше, чем в Западной Сибири. Западная Сибирь в середине 1960-х гг. имела более низкие темпы индустриального развития, чем страна в целом.

Проблема дальнейшего хозяйственного освоения, перехода к решению вопросов индустриального развития Западной Сибири была поставлена на повестку дня. Некоторое время вопрос о переходе к более высокому уровню промышленного развития территории связывался с перенесением туда интенсивного гидроэнергетического строительства. Планировалось сооружение трех гидроэнергетических каскадов на реках Обь, Иртыш, Томь. Гидроэнергетический каскад на р. Томь, являющейся притоком Оби, должен был включать три гидроэлектростанции. Одна из них планировалась выше г. Новокузнецка, однако этот проект был отклонен в связи с возникающей угрозой затопления угольных

месторождений. Иртышский каскад предусматривал строительство четырех ГЭС (Омской, Татарской, Ишимской, Тобольской). Обский гидроэнергетический каскад должен был включать десять ГЭС: Верхнеобскую, Володарскую, Каменскую, Новосибирскую, Батуринскую, Киреевскую, Чулымскую, Тымскую, Вахскую, Нижнеобскую. Среди намечаемых строительством ГЭС особое место отводилось Нижнеобской ГЭС, которая рассматривалась как «огромная по мощности и масштабам». Ее предварительная мощность определялась в 6 млн кВт·ч с емкостью водохранилища в 1 130 кв. км [1. С. 61–62]. ГЭС планировалась в качестве основной базы энергоснабжения промышленности Урала. В то же время, она должна была обеспечить электроэнергией промышленность Тюменской области.

Идея строительства на Оби и ее притоках каскада гидроэлектростанций стала активно разрабатываться заинтересованными ведомствами страны, приобретая как сторонников, так и противников. Проект нашел поддержку в научных кругах. В мае 1956 г. работы по проектированию Нижнеобской ГЭС, выполняемые институтом «Гидропроект» Министерства электростанций СССР, были одобрены координационным совещанием Уральского, Западно-Сибирского и Коми филиалов АН СССР по изучению производительных сил Тюменской области [2. С. 127].

В 1950-е гг. строительство гидроэлектростанции в нижнем течении Оби поддерживало и партийное руководство Тюменской области [3. С. 68]. Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Ф.С. Горячев в мае 1954 г. в письме в ЦК КПСС и АН СССР, обосновывая необходимость усиления комплексных научных исследований на территории области, называл среди природных ресурсов региона, до сих пор не вовлеченных в хозяйственное освоение, в том числе и «большие возможности использования ресурсов р. Оби и ее многочисленных притоков для получения электроэнергии» [4]. В 1957 г. проект строительства гидроэлектростанции стал предметом обсуждения на совещании в Тюменском обкоме КПСС, в котором приняли участие и представители Тюменского геологического управления, получившие к тому времени подтверждения газонасыщенности территории Тюменской области, расширявшие поиски нефти. Как вспоминал участник совещания, начальник Тюменского геологического управления Ю.Г. Эрвье, несмотря на возражения геологов, совещание все-таки «одобрило салехардский вариант ГЭС и этим как бы санкционировало дальнейшую работу над проектом» [5. С. 140]. Спустя два года, в январе 1959 г., Тюменский обком КПСС в докладной записке в Госплан СССР, РСФСР и Совет Министров РСФСР «Об освоении естественных богатств и заселе-

нии малообжитых районов Тюменской области» в очередной раз согласился с проектом Нижнеобской ГЭС и признал строительство гидроэлектростанции на территории области «необходимым» [6].

Руководство страны в начале 1960-х гг. стало проводить организационную подготовку к развертыванию строительства ГЭС, для этого требовалось поставить во главе области человека, который бы хорошо знал проблемы гидроэнергетического строительства. В 1961 г. первым секретарем Тюменского обкома КПСС был назначен Б.Е. Щербина, до этого в течение десяти лет работавший секретарем Иркутского обкома партии, где он приобрел репутацию человека, обладающего хорошим опытом возведения крупной гидроэлектростанции в сложных климатических и природных условиях (имеется ввиду Иркутская ГЭС, построенная и выведенная на проектную мощность в 1958 г.). Как пишет В.Г. Чирсков, «...появление Щербины означало, что начало строительства станции не за горами. В действительности же оказалось, что спустя короткое время Щербина стал одним из самых ярких противников осуществления этого проекта» [7. С. 58].

Первоначальная привлекательность проекта для региональных властей была вполне объяснима, поскольку при не проявившихся до конца к тому времени нефтегазовых перспективах Тюменской области гидроэнергетическое строительство на ее территории было неплохим шансом изменить ее традиционно аграрный облик. Тюменская область, образованная в 1944 г., и по прошествии десятилетия с момента создания продолжала оставаться «падчерицей» в сравнении со многими другими областями Сибири, получившими мощный импульс промышленного развития в военные и послевоенные годы. Удельный вес производства промышленной продукции в Тюменской области был значительно ниже, чем в других областях Западной Сибири. Если к концу 1950-х гг. (в сравнении с 1913 г.) валовая продукция крупной промышленности по Западной Сибири в целом выросла в 183 раза, то в Тюменской области – только в 49 [8]. Это казалось тем более несправедливым, поскольку сырьевая ресурсная база области, о чем постоянно информировало соответствующие инстанции областное руководство, была разнообразна и значительна, а должного внимания изучению и вовлечению в хозяйственное освоение этих ресурсов не уделялось.

В некоторой степени это можно объяснить тем обстоятельством, что Тюменская область была создана из 25 окраинных районов Омской и Курганской областей и 2 национальных округов. В предшествующий период эти территории несколько раз передавались в административное подчинение соседних областей (Свердловской, Обско-Иртышской, Омской, Челябинской и Курганской). Стоит отметить, что в течение долгого времени Госплан СССР даже не включал Тюменскую область в планы перспективного промышленного освоения, считая ее «бесперспективной». А для Уральского и Западно-Сибирского филиалов АН СССР, которым было поручено проводить изучение производительных сил области, она являлась окраинной зоной их деятельности, что и обуславливало отсутствие должного интереса к всестороннему изучению ее природных богатств [9. Л. 23].

Именно об этом, в частности, шла речь в докладной записке секретаря Тюменского обкома КПСС В.В. Косова и председателя Тюменского облисполкома Д.Н. Крюкова секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву и председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину, датированной 13.02.1956 г. Авторы подчеркивали, что «Госплан и некоторые министерства часто рассматривают Тюменскую область как придаток к Западной Сибири или Уралу и не уделяют внимания комплексному развитию экономики области. <...> ...за последние десять лет в ней не было начато строительство ни одного крупного промышленного предприятия союзного и республиканского значения» [9. Л. 23–24]. Хотя следует отметить, что сразу после реэвакуации предприятий, размещенных в Тюмени в годы войны, некоторые министерства отправили в город комиссии по подбору и закреплению площадок для создания новых производств. В частности, в Тюмени планировалось построить заводы экскаваторного и свайнобойного оборудования, радиовакуумных ламп, кузнечно-прессового оборудования, круглопильных станков, киноаппаратуры, искусственного волокна, измерительных приборов и ряд других [10. Л. 22; 11. Л. 26].

Одной из причин того, что многие из этих планов так и остались на бумаге, было отсутствие в области соответствующей масштабному промышленному строительству энергетической базы. Красноречивым показателем ее состояния являлся тот факт, что на январь 1951 г. из 38 районных центров области было электрифицировано только 18, из которых 12 – случайно приобретенными маломощными автомобильными и тракторными двигателями или локомотивами, демонтированными с мелких предприятий [12]. Мощность электростанции самого областного центра составляла всего 8 тыс. кВт (при потребности в 30 кВт), по этой причине 153 предприятия и мастерских Тюмени работали на строго принудительном энергетическом режиме. Населению города было запрещено пользоваться электронагревательными приборами, большинство улиц не освещалось, а жилые дома окраин совсем не получали электроэнергию [13].

Таким образом, и в послевоенные годы Тюменская область продолжала оставаться «типичной сибирской глубиной со слаборазвитой промышленностью и сельским хозяйством» [14. С. 203]. Строительство на ее территории гидроэлектростанции могло стать основой для дальнейшего развития традиционных отраслей промышленности и формирования новых производств. Тем более, что по расчетам специалистов, водно-энергетические ресурсы р. Оби и ее притоков (рр. Иртыш, Тобол, Томь) с площадью бассейна около 3 млн кв. км могли составить почти 83 млрд кВт·ч/год. Следует отметить, что среди крупнейших рек СССР Обь занимала первое место по площади бассейна, второе место по протяженности (после Енисея), третье место по величине водности (после Енисея и Лены) и имела средний годовой расход воды в 12,5 тыс. куб. м/с [1. С. 17]. Все это, по мнению энергетиков, давало возможность построить здесь более десяти экономически эффективных гидроэлектростанций [1. С. 61–62]. Самым привлекательным проектом с точки зрения экономической эффективности было строительство Нижнеобской ГЭС. Институт

«Гидропроект» Министерства электростанций СССР, которому была поручена разработка проекта ГЭС, как пишет Г.П. Богомяков, считался тогда «очень сильным», поскольку по его проектам уже было построено несколько гидроэлектростанций в Европейской части СССР и в Сибири, в частности Красноярская и Братская ГЭС. Причем, видимо, воодушевленный успешно осуществленными проектами институт «каждый раз стремился спроектировать станцию мощнее предыдущей, а плотину выше» [15. С. 31]. В случае с Нижнеобской ГЭС, из трех предложенных в проекте вариантов расположения створа плотины – Нарыкарского, Андриного и Салехардского – после проведенной экспертизы решили остановиться на последнем, как самом экономичном [5. С. 139]. Высота плотины в первоначальном проекте должна была составить 42 м, образовавшееся при этом «громоздкое внутреннее море должно было затопить 113 тыс. кв. км низменности», площадь, как считают В.П. Карпов и Н.Ю. Гаврилова, «близкую к акватории Балтийского моря» [16. С. 64]. Сравнение площади водохранилища с Балтийским морем впечатляет, однако, справедливости ради, стоит отметить, что акватория моря все-таки намного больше и составляет 386 тыс. кв. км.

Если бы не открытие в Тюменской области в 1950-е гг. в районе Сибирского Приуралья газовых, а затем в начале 1960-х гг. в Среднем Приобье нефтяных месторождений, проблем с реализацией данного проекта, по всей вероятности, не возникло бы. И здесь надо отдать должное тюменским геологам, которые забили тревогу по поводу строительства Нижнеобской ГЭС еще тогда, когда нефтегазовое будущее Тюмени многим казалось фантастическим, а вот гидроэнергетическое – весьма реальным. Так, в июле 1956 г. в письме руководителей трестов «ЗапСиб-нефтегеофизика» и «Тюменьнефтегеология» в адрес Тюменского обкома КПСС было предложено поставить перед ЦК КПСС вопрос «о консервации или пересмотре проектов строительства Нижнеобской ГЭС и других очередей Обского каскада гидроэлектростанций». Их главным аргументом было то, что «...территории проектируемых водохранилищ захватывают нефтегазоносные земли центральной и северной частей Тюменской области». По мнению управляющих и главных геологов трестов Ю.Н. Грачева, А.Н. Ракитова, А.К. Шиленко и Л.И. Ровнина, вопрос о строительстве ГЭС следовало «...оставить открытым до завершения нефтепоисковых исследований на затопляемых территориях» [2. С. 137].

Авторов проекта Нижнеобской ГЭС не останавливала и последовавшая в начале 1960-х гг. череда открытий нефтяных месторождений в районе проектируемого водохранилища. В 1962 г. сотрудники института «Гидропроект» подготовили свои «Соображения об инженерной защите, разработке и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений в пределах Нижнеобского водохранилища». По мнению составителей документа, разработка месторождений в условиях водохранилища не должна была вызвать непреодолимых препятствий и, в конечном итоге, позволила бы даже снизить себестоимость нефти и газа. Они считали, что создание Нижнеобской ГЭС позволит создать мощную базу, построить новые города и поселки, железные и автомобильные дороги, превратить заболоченную тун-

дру в глубоководный водоем, облегчить и ускорить промышленное и транспортное освоение района [17. Л. 174].

Институт «Гидропроект» представил сравнительные расчеты по обустройству и разработке нефтегазовых месторождений как в обычных условиях (без затопления), так и в условиях водохранилища, создание которого планировалось на 1970 г. Согласно расчетам в последнем варианте получалось, что эксплуатация месторождений с воды или льда будет не только экономически эффективной, но и вполне оправданной. При этом аргументы специалистов института сводились к тому, что все месторождения нефти и газа, обнаруженные в пределах Тюменской области, во время многоводных паводков, как правило, затопливались в зависимости от рельефа местности на глубину до 2 м. К тому же, по их мнению, в районах зоны влияния Нижнеобского водохранилища заболоченные территории составляли 12%, а площади самих нефтяных и газовых месторождений были покрыты болотами, озерами, сорами и являлись по существу непроходимыми [18. Л. 36–38].

Поскольку, как предполагалось, к моменту затопления территории разведка нефтяных и газовых месторождений в ложе водохранилища еще не будет закончена, «Гидропроект» предложил для продолжения разведочного бурения использовать плавучие буровые установки (ПБУ). По расчетам института «Гипромор-нефть», на бурение одной скважины глубиной 1 600–1 800 м требовалось 3–4 месяца, следовательно, к моменту затопления необходимо было иметь 40–50 действующих ПБУ и парк резервных установок. При стоимости одной установки в 2 млн руб. расходы на разведочное бурение резко возрастали.

Были очевидны и технические трудности реализации этой идеи. Так, в частности, ее противником с самого начала выступал Н.К. Байбаков, возглавлявший в 1963–1965 гг. Госкомитет химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР. Ему, как бывшему бакинцу, был хорошо известен опыт морской добычи нефти на Каспии. Именно поэтому, как признавался сам Николай Константинович, он «...лучше многих других знал, что разработка нефти на шельфе – дело дорогое, требующее больших затрат, много металла...» [19. С. 255]. С учетом всех этих соображений, организация добычи нефти и газа на гигантской площади Севера, залитой водой, представлялась Байбакову «невозможной». Доводы такого авторитетного специалиста-нефтяника были приняты во внимание, и предложение о «морской добыче» нефти в Сибири в конце концов отвергли [19. С. 255].

В условиях продолжающихся дискуссий вокруг проекта строительства Нижнеобской ГЭС он стал предметом пристального изучения специально созданной комиссии Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР во главе с С.В. Клоповым и Д.В. Белорусовым. В феврале 1963 г. комиссия, занимавшаяся проблемой комплексного изучения и освоения природных ресурсов северной части Западно-Сибирской низменности, подготовила специальное заключение о возможных последствиях сооружения Нижнеобской ГЭС. Специалисты СОПСа признали, что наряду с несомненным энергетическим эффектом, строительство гидроэлектростанции окажет отрица-

тельное влияние на ряд природных и народно-хозяйственных факторов и, в конечном итоге, будет иметь нежелательные последствия, вызванные затоплением обширной территории площадью от 100 до 135 тыс. кв. км. По их мнению, созданное водохранилище значительно осложнит разведку и эксплуатацию обнаруженных в его ложе нефтяных и газовых месторождений, погубит обширные лесные массивы и земли, освоенные в долине Оби и ее притоков, вызовет подпор грунтовых вод и еще большее заболачивание смежных земель, нанесет значительный ущерб рыбному хозяйству [18. Л. 4].

Так как вопрос со строительством ГЭС считался тогда практически решенным, то в качестве рекомендаций ученые предложили изучить и объективно оценить как выгоду, так и ущерб от намечаемых мероприятий, найти фонды для замены затопляемых сельскохозяйственных земель и оценить стоимость их освоения, исследовать минеральные ресурсы недр на затопляемых территориях и условия их разработки, наметить транспортные коммуникации. В программе работ, предложенной комиссией, также предполагалось изучить технические проблемы и экономическую эффективность добычи нефти и газа как в естественных условиях, после проведения мелиоративных мероприятий, так и в условиях затопления, в случае сооружения Нижнеобской ГЭС [18. Л. 5]. В последнем варианте предусматривалось создание намывных островов, эстакад, особых жилищно-бытовых условий для персонала, определенных условий для транспортировки нефти и газа и охраны вод от загрязнения [18. Л. 12].

В июле 1963 г. при Госплане СССР была создана специальная Государственная экспертная комиссия из специалистов различных отраслей (нефтегазодобывающей, лесной, торфяной, по рыбному хозяйству, энергетике, транспорту), которой было поручено рассмотреть доклады об использовании природных ресурсов Тюменской области. Доклады были представлены всеми заинтересованными министерствами, а также Госпланом РСФСР, СНХ РСФСР и Главгеологией РСФСР [20. Л. 108]. После изучения полученных материалов комиссия составила заключение, в котором главными природными ресурсами Тюменской области были признаны энергетические ресурсы р. Оби, запасы нефти и газа, лес, рыба и торф. Принимая во внимание то обстоятельство, что ожидаемый дефицит топливного баланса в Европейской части СССР к 1965 г. должен был составить 13 млн т условного топлива, а к 1980 г. — 150 млн т, и это при практически полном использовании ее наличных гидроресурсов, единственно возможным вариантом восполнения дефицита при существовавшей тогда технике передачи электроэнергии комиссия определила энергетические ресурсы Оби [20. Л. 109].

Решению этой проблемы и должно было способствовать строительство Нижнеобской ГЭС, технико-экономические показатели которой при разных предполагаемых отметках нижнего подпорного горизонта (НПГ) варьировались. Так, при минимальном НПГ в 25 м площадь затопления должна была составить 45 тыс. кв. км, установленная мощность электростанции — 4 млн кВт, выработка электроэнергии — 19 млрд кВт·ч/год. В этом случае экономическая эффективность ГЭС оказывалась на грани приемлемой эффективности. При макси-

мальном НПГ в 37 м затоплению подлежала территория в 83 тыс. кв. км, мощность достигала 6,5 млн кВт, а выработка электроэнергии — 31 млрд кВт·ч/год [20. Л. 113].

Изучив представленные материалы, комиссия Госплана была вынуждена признать, что особенностью Нижнеобской ГЭС при любых отметках НПГ будет чрезвычайно большая площадь затопления территории. По этой причине комиссия предложила начать строительство гидроэлектростанции с отметки НПГ в 30 м и только затем, после выработки в зоне водохранилища нефтегазовых месторождений и проведения лесосводки, предусмотреть ее достройку до отметки в 37 м [20. Л. 113].

По ориентировочной экспертной оценке комиссии дополнительные капитальные затраты и эксплуатационные расходы, вызываемые затоплением столь обширной территории, должны были составить от 1 млрд 320 млн руб. при НПГ в 30 м до 9 млрд 620 млн руб. при НПГ в 37 м [20. Л. 118]. Они включали: удорожание разработки нефтяных и газовых месторождений в районах Нижней и Средней Оби, а также лесоразработок при их переключении на лесосводку, перенос предприятий рыбной промышленности, обезвреживание всплывающих массивов торфа, перенос существующих устройств сухопутного и водного транспорта, расходы, связанные с заменой флота. Кроме этих расходов, подлежащих финансовому исчислению, комиссия указала на возможный ущерб хозяйству, который нельзя было определить в количественном выражении. Это были потери трудовых ресурсов при переселении населения из обжитых мест на новые территории, повышение заболоченности и без того переувлажненной территории с одновременным ухудшением ее микроклимата, снижение качества древесины на затопляемой территории, сокращение улова рыбы и запасов торфа.

Расчеты, выполненные специалистами Государственной экспертной комиссии, позволили сделать вывод о том, что в целом размер затрат и расходов на строительство Нижнеобской ГЭС намного превысит эффективность ее эксплуатации. Однако поскольку заинтересованные учреждения и ведомства от своих планов отказываться не собирались, комиссия представила соображения по минимизации возможных потерь при ее сооружении для нефтяной и газовой промышленности.

Так, до разработки генеральной схемы комплексного освоения природных ресурсов Тюменской области, ею было предложено форсировать геолого-поисковые работы в районах Нижней Оби, максимально сосредоточив все силы и средства на участке Ханты-Мансийск — Березово [20. Л. 122]. Доказательство отсутствия в данной зоне нефтяных и крупных газовых месторождений должно было стать определяющим при оценке строительства Нижнеобской ГЭС. Также предполагалось усилить проектные и строительные работы по освоению месторождений Березовского газоносного района, а заполнение водохранилища предусмотреть только после отработки запасов, попадающих в его ложе. Основные капиталовложения, предназначенные для развития добычи нефти в Тюменской области, комиссия считала нужным направить в первую очередь на работы по освоению Среднеобского нефтеносного района [20. Л. 122].

Оценивая результаты работы этой комиссии, историк Н.Ю. Гаврилова и В.П. Карпов сделали вывод о том, что несмотря на возражения нефтяников, экспертная комиссия Госплана СССР одобрила представленную институтом Гидропроект схему строительства Нижнеобской ГЭС [16. С. 64–65]. На самом деле Государственная экспертная комиссия, вынужденная согласиться с планом предполагаемого строительства Нижнеобской ГЭС, тем не менее, признала большие отрицательные последствия от ее сооружения для региона и предложила максимально форсировать разведку и эксплуатацию нефтегазовых месторождений в обычных условиях, т.е. до их предполагаемого затопления.

Решающую роль в споре сторонников и противников строительства на Оби каскада электростанций, несомненно, сыграли ученые и геологи-производственники, а также поддержавший их Тюменский промышленный обком КПСС, возглавляемый А.К. Протозановым. В частности, в июле 1963 г., в самый разгар борьбы между сторонниками и противниками строительства гидроэлектростанции, Александр Константинович обратился к председателю Госплана СССР П.Ф. Ломако с серьезными возражениями по проекту постановления Совета Министров СССР «О составлении основных положений комплексного проектного задания по Нижнеобской ГЭС на р. Оби и размещению предприятий и объектов капитального строительства в зоне будущего водохранилища». Проект был подготовлен по его поручению Государственным производственным комитетом по энергетике и электрификации СССР. В письме Тюменский промышленный обком КПСС признавал продолжение проектирования Нижнеобской ГЭС в варианте, предложенном институтом «Гидропроект», «нецелесообразным» [18. Л. 54]. При этом основным аргументом служило то обстоятельство, что, по данным геологов, на территории, подлежащей затоплению, имелось 330 млрд куб. м газа и 2,7 млрд т нефти. Из них по категориям А+В+С1 к этому времени было разведано 172 млрд куб. м газа и 264 млн т нефти. В качестве наглядного примера возможного ущерба от строительства ГЭС было приведено Усть-Балыкское нефтяное месторождение с запасами не менее 300 млн т, из которых 227 млн были уже утверждены ГКЗ, которое должно было оказаться полностью затопленным в условиях водохранилища [18. Л. 55]. В документе особо подчеркивалось, что к 1970 г., намеченному сроку создания водохранилища, разведка значительной части запасов нефти в его ложе еще не будет закончена. Поэтому, как считали авторы письма, «...о затоплении территории, недостаточно изученной в геологическом отношении, не может быть и речи» и предлагали произвести необходимые расчеты «...воз-можного ущерба народному хозяйству от затопления месторождений нефти и газа водохранилищем Нижнеобской ГЭС» [18. Л. 56–57].

Доводы руководства Тюменской области были приняты во внимание, и создание Госпланом СССР Государственной экспертной комиссии, о которой шла речь выше, служит тому подтверждением. Следует также отметить, что подробные выкладки, использованные в письме в Госплан, были представлены в Тюменский промышленный обком КПСС начальником Тюменского территориального геологического управления

Ю.Г. Эрвье, директором Тюменского филиала СНИИГГиМСа Г.П. Богомяковым и старшим инженером отдела нефти Тюменского Совнархоза Ю.Б. Файном. Именно они, а также другие специалисты смогли убедить партийное руководство, а то, в свою очередь, и вышестоящие инстанции в том, что масштаб ущерба от строительства Нижнеобской ГЭС окажется намного большим, чем это было предусмотрено в сметно-финансовых расчетах, подготовленных институтом «Гидропроект» [18. Л. 30]. А самое главное, считали специалисты, в результате ее строительства будут затоплены все открытые нефтегазовые месторождения и омертвлены крупные капиталовложения, уже истраченные на подготовку запасов нефти и газа [18. Л. 30].

Вспоминая позже о перипетиях борьбы с институтом «Гидропроект», Г.П. Богомяков признавался, что результат, которого в конце концов удалось добиться: сначала приостановить проектирование Нижнеобской ГЭС, а потом и полностью его прекратить – был «колоссальным успехом» тогдашнего промышленного обкома партии, возглавляемого А.К. Протозановым, и специалистов различных ведомств, на мнение и усилия которых он опирался [21. С. 571]. Сам Геннадий Павлович Богомяков по профессии гидрогеолог и, по признанию Ю.Г. Эрвье, «ученый с хорошим пониманием экономики производства геологоразведочных работ» [5. С. 142] в ранге директора Тюменского филиала СНИИГГиМСа неоднократно был участником совещаний самого различного уровня, обсуждавших плюсы и минусы строительства Нижнеобской ГЭС. На одном из них, состоявшемся в октябре 1963 г. в Госплане, группа специалистов, в которую он входил, представила расчеты, убедительно доказавшие, что при отметке плотины ГЭС в 42 м пришлось бы затопить территорию площадью 140 тыс. кв. км, а при отметке в 37 м площадь затопления составила бы 110 тыс. кв. км. При этом, по данным специалистов, возможные потери от создания ГЭС могли достичь от 8 до 9 млрд руб. при стоимости строительства в 1,4 млрд руб. [15. С. 32]. «Правда, – как пишет Г.П. Богомяков, – расчетов этих вы не найдете ни в одном НИИ – они были сделаны в гостинице «Москва» за один вечер. Да и методика расчетов остается на совести авторов. Но мы понимали, что наше дело правое, так что совесть и теперь не мучает» [15. С. 32]. Расчеты были приблизительными и не могли быть иными, поскольку степень геологической изученности Западно-Сибирской низменности не позволяла точно определить величину потерь.

Продолжающееся лоббирование «Гидропроектом» своих узковедомственных интересов еще какое-то время не давало возможности развернуть в полном объеме геологоразведочные работы в Тюменской области и начать промышленную эксплуатацию открытых месторождений. По воспоминаниям Ю.Г. Эрвье, Госстрой «застопорил» проект постановления правительства о начале освоения нефтяных и газовых месторождений, отказываясь визировать его без пункта, которым предписывалось бы все будущее строительство в районе водохранилища проектировать с учетом отметки в 37 метров. Это означало, что «никаких нефтепромыслов на Средней Оби создавать нельзя, так как уровень поймы здесь не превышает 32–33 метров» [5. С. 143].

Расширяющиеся масштабы геологических открытий привели к тому, что Совет министров СССР признал необходимость перехода к подготовке пробной эксплуатации нефтяных месторождений в Тюменской области, а в перспективе – и к промышленной добыче нефти. Этот курс отразило принятое в декабре 1963 г. правительственное постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области». Однако идея строительства Нижнеобской ГЭС еще не была отклонена полностью. То, что в перспективе допускалось ее сооружение, показал один из пунктов постановления, предписывающий осуществлять строительство объектов нефтяной и газовой промышленности в районе Среднего Приобья «с отметкой не ниже 30 м». Именно до этой отметки, как предполагалось, и «может подняться уровень реки Оби при

возможном подпоре ее плотиной Нижнеобской ГЭС» [2. С. 295].

Окончательную точку в этом вопросе все-таки поставило время. И действительно, как пишет Ф.Г. Гулари, когда «пошли открытия, началась добыча нефти в Среднем Приобье», тогда и «проблема Нижнеобской ГЭС потихоньку заглохла сама собой» [3. С. 68]. Другой непосредственный участник борьбы противников и сторонников ее строительства, Н.К. Байбаков в одной из своих статей как-то признался, что он с трудом может представить себе, «...чем бы мы были без Тюмени! И чем была бы Тюмень, осуществись этот проект» [22. С. 13].

Борьба идей и направлений вокруг строительства Нижнеобской ГЭС показывает, как в энергетической политике СССР постепенно усиливалась позиция сторонников перехода к более активной реализации нового направления – увеличению добычи нефти и газа, основной базой для осуществления которого должен был стать Западно-Сибирский регион.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутягин И.П., Васильев А.И., Сухоруков Л.Н., Чельцов М.Б. Энергетика Сибири. М.; Л.: Гос. энерг. изд-во, 1963.
2. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск: Сред.-урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1.
3. Гулари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века! Новосибирск: СНИИГТиМС, 1996.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 86. Д. 114. Л. 79.
5. Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты: Документальная повесть. Екатеринбург: Сред.-урал. кн. изд-во, 1999.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 134. Д. 88. Л. 5.
7. Чирсков В.Г. Жизнь на опережение. М.: Информ.-издат. агентство «ИСТ-ФАКТ», 2004.
8. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 134. Д. 144. Л. 4.
9. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 80. Л. 23.
10. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 158. Л. 22.
11. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 80. Л. 26.
12. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 66. Д. 115. Л. 14.
13. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 165. Л. 47.
14. Очерки истории Тюменской области / Под ред. В.М. Кружинова. Тюмень: Изд. полиграф. предприятие «Тюмень», 1994.
15. Богомяков Г.П. Ломая лед недоверия... // Нефтегазостроители Западной Сибири: В 2 кн. М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. Кн. 1.
16. Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002.
17. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 86. Л. 174.
18. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 117. Л. 36–38.
19. Байбаков Н.К. Дело жизни: Записки нефтяника. М.: Советская Россия, 1984.
20. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 233.
21. Энергия Ямала / Сост. В. Битюков, А. Брехунцов. Тюмень: Опцион-Холдинг, 2000.
22. Байбаков Н.К. В череде великих свершений // Нефтегазостроители Западной Сибири. М., 1985. Кн. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 января 2008 г.